

Научная статья

DOI: 15393/j10.art.2026.8801

EDN: AEZUDF

Концепт «Москва» в публицистическом дискурсе

Ф. М. Достоевского («Дневник Писателя»)

В. В. Борисова¹✉, Д. О. Котовская²

¹ *Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(Музейный центр «Московский дом Достоевского»)*

(г. Москва, Российская Федерация);

Московский государственный лингвистический университет

(г. Москва, Российская Федерация);

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: vvb1604@gmail.com[✉]

² *Московский государственный лингвистический университет*

(г. Москва, Российская Федерация);

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: prince.amelian@gmail.com

Аннотация. В статье проанализирована структура и содержание концепта «Москва» в выпусках «Дневника Писателя» за 1876–1881 гг., выявлены механизмы концептуализации представлений о Москве в публицистическом дискурсе Достоевского с учетом ее перифрастических названий и авторских прецедентных имен. Основной когнитивный признак, образующий данный концепт в «Дневнике Писателя», — Москва православная в ее ценностном противопоставлении Москве криминальной (церковь vs кабак). Кроме того, Москва обретает признаки авторского концепта в биографическом контексте. Ключевой особенностью его репрезентации стал отход от прямолинейного противопоставления Москвы Петербургу. В целом динамика развития концепта «Москва» в «Дневнике Писателя» характеризуется переходом от его репрезентации как конкретной локации к представлению о городе-«аллегии», отличающемуся предельной степенью обобщения и расширения образа Москвы. В последнем выпуске «Дневника Писателя» Достоевский, говоря о миссии России как об «общечеловеческом назначении» и «общеслужении человечеству», по сути, отождествляет концепты «Россия» и «Москва» в их аксиологической сущности. В этой символической паре Москва приобретает значение номинативной синекдохи, закреплённой традицией словоупотребления. В новой формуле определения роли России/Москвы в мировой истории важной для Достоевского стала обращенность не только к Европе, но и к Азии.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, публицистический дискурс, «Дневник Писателя», концепт «Москва», концепт «Россия»

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00190 «Москва Достоевского: новые источники и исследования», <https://rscf.ru/project/26-18-00190/>).

Для цитирования: Борисова В. В., Котовская Д. О. Концепт «Москва» в публицистическом дискурсе Ф. М. Достоевского («Дневник Писателя») // *Неизвестный Достоевский*. 2026. Т. 13. № 3. С. 69–84. DOI: 15393/j10.art.2026.8801. EDN: AEZUDF

Original article

DOI: 15393/j10.art.2026.8801

EDN: AEZUDF

The Concept “Moscow” in the Journalistic Discourse of Fyodor Dostoevsky (“A Writer’s Diary”)

Valentina V. Borisova^{1✉}, Darya O. Kotovskaya²

¹ V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”)

(Moscow, Russian Federation);

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russian Federation);

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: vvb1604@gmail.com✉

² Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russian Federation);

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: prince.amelian@gmail.com

Abstract. The article analyzes the structure and content of the concept “Moscow” in the issues of “A Writer’s Diary” for 1876–1881. It identifies the mechanisms by which ideas about Moscow are conceptualized in Dostoevsky’s journalistic discourse, taking into account its periphrastic names and the author’s precedent names. The principal cognitive feature constituting this concept in “A Writer’s Diary” is Orthodox Moscow in its value-based opposition to criminal Moscow (church vs tavern). Moreover, Moscow acquires the features of an authorial concept in the biographical context. A key characteristic of its representation is the departure from a straightforward opposition between Moscow and St. Petersburg. On the whole, the dynamics of the development of the “Moscow” concept in “A Writer’s Diary” is characterized by a transition from its representation as a concrete location to the idea of a city-“allegory,” distinguished by an extreme degree of generalization and expansion of the image of Moscow. In the final issue of “A Writer’s Diary,” Dostoevsky, speaking of Russia’s mission as a “universal human vocation” and “universal service to humanity,” essentially identifies the concepts “Russia” and “Moscow” in their axiological essence. In this symbolic pair, Moscow acquires the meaning of a nominative synecdoche, fixed by the tradition of usage. In the new formula defining the role of Russia/Moscow in world history, what became important for Dostoevsky was an orientation not only toward Europe but also toward Asia.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, journalistic discourse, “A Writer’s Diary”, concept “Moscow”, concept “Russia”

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00190 “Dostoevsky’s Moscow: New Sources and Research”, <https://rscf.ru/project/26-18-00190/>).

For citation: Borisova V. V., Kotovskaya D. O. The Concept “Moscow” in the Journalistic Discourse of Fyodor Dostoevsky (“A Writer’s Diary”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2026, vol. 13, no. 3, pp. 69–84. DOI: 15393/j10.art.2026.8801. EDN: AEZUDF (In Russ.)

Концепт «Москва» — первичный и центральный в публицистическом дискурсе Достоевского. В. Н. Топоров, противопоставляя его Петербургу, выделил в нем следующие признаки: это место, «где живет с опорой на семью, род, традицию»; Москва «душевная, семейственно-интимная, патриархальная, уютная, "почвенно-реальная", естественная, русская» [Топоров: 273, 268].

На наш взгляд, структура и содержание этого концепта гораздо шире в силу того, что он иерархически соотносится с концептом «Россия», который рассмотрен В. Н. Захаровым на материале писем Достоевского 1867–1871 гг. из-за границы [Захаров]. Оба концепта многозначны и онтологичны, хотя, конечно, у концепта «Россия» свой код. Его «слагаемые» — это «родина, природа, народ, родная речь, земля, страна, церковь, храм, дом, образ, иконы, картины, словесность, песни, книги, сказки, пословицы, поговорки и далее» [Захаров: 40]. У концепта «Москва» — свои отличия, однако, подчеркнем еще раз, он также имеет ключевое значение в творчестве писателя.

Удивительно, что слов «Россия» и «Москва» нет в «Словаре языка Достоевского» [Словарь языка Достоевского]. Концепт «Москва» стал предметом изучения только в нескольких лингвистических исследованиях (см., например: [Шурупова]). В литературоведческих же работах данный концепт практически не подлежал специальному рассмотрению, что видно на примере фундаментального издания «Достоевский и журнализм», в которое вошли материалы Симпозиума, целиком посвященного «Дневнику Писателя» [Достоевский и журнализм]. Отсутствует «Москва» и на геополитической карте Достоевского [Геополитическая карта].

На наш взгляд, системный анализ концепта «Москва» в «Дневнике Писателя» прежде всего предполагает выявление его когнитивных признаков, его репрезентации и авторской трансформации на протяжении всего «Дневника Писателя». Точкой отсчета в этом плане являются выпуски за 1876 г., и не только в хронологическом смысле. Важно то, что именно в них определилась ядерная структура и содержание концепта «Москва». Обретя свободу высказывания, Достоевский-публицист стал выступать как самодостаточный автор, редактор и издатель собственного журнала.

Для выявления ключевых признаков концепта нами были проанализированы все контексты, включающие лексемы с корнем *-моск-*, содержащиеся в «Дневнике Писателя» за 1876–1881 гг. (1876 г. — 48 контекстов, 1877 г. — 36, 1880–1881 гг. — 7). Кроме того, рассмотрены перифрастические названия города, его не прямые упоминания (когда Москва не названа, но подразумевается) и лексические сочетания, репрезентирующие концепт «Москва» как авторские прецедентные имена.

В целом в «Дневнике Писателя» в концепте «Москва» выделяются следующие когнитивные признаки, которые последовательно и иерархически определяют его структуру: Москва — город детства писателя, Москва в ее связях с русской историей и «русской идеей», Москва православная

в противопоставлении Москве криминальной, или «кабацкой», Москва в ее неоднозначной соотнесенности с Петербургом. В последних двух случаях налицо амбивалентный характер образа Москвы в представлении Достоевского.

В этом плане ярким подтверждением художественного сопряжения представлений писателя о Москве православной и Москве криминальной является, например, роман «Преступление и Наказание», в котором благолепие церкви и безобразие кабака выступают как мощные эмблемы в первом сне Раскольникова. Он по сути является автобиографическим, поскольку в нем преломились детские впечатления и воспоминания писателя о родном городе (см. об этом: [Борисова, 1996]).

Закрепленный культурной традицией, концепт «Москва» в «Дневнике Писателя» постепенно становится авторским. Сохраняя типологические признаки, выделенные В. Н. Топоровым, он приобретает особенное выражение в контексте творчества и биографии писателя. Автобиографических вкраплений в «Дневнике Писателя» немало. В основном они связаны с жизнью Федора Достоевского на Божедомке при больнице для бедных, а также в подмосковных усадьбах. Роль вынесенных им из детства «сильных впечатлений» и воспоминаний о жизни в «семействе русском и благочестивом» [Д30; т. 21: 134] в формировании образа Москвы в мировоззрении писателя первична.

В выпуске за июль — август 1877 г. писатель упоминает о своем намерении посетить «места первого <...> детства и отрочества» [Д30; т. 25: 172], имея в виду Даровое. Передавая разговор с И. С. Аксаковым, «одним из давних московских знакомых» [Д30; т. 25: 172], Достоевский с любовью отзывается о Даровом:

«...это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» [Д30; т. 25: 172].

Уже в пору московского детства Достоевский узнал жизнь русского простонародья, что позволило ему в дальнейшем выступить в качестве адвоката простых людей в полемике с представителями либерально-дворянской критики, в частности, с В. Г. Авсеенко, который писал о пассивном и невежественном русском народе и подчеркивал ведущую роль дворянства как носителя национальной культуры [Д30; т. 22: 114]. Достоевский же, полагая, что «мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа» [Д30; т. 22: 45], с восхищением пишет в пасхальном рассказе «Мужик Марей» (1876) о знакомом ему по Даровому крестьянине:

«...какою тонкою, почти женственной нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика» [Д30; т. 22: 49].

Вспоминает Достоевский и о няне Алене Фроловне, бывшей «из московских мещанок», взрастившей и выхотившей всех детей Достоевских [Д30; т. 22: 112]. Она бескорыстно готова была пожертвовать накопленные на старость деньги родителям писателя, у которых сгорела вотчина в Даровом:

«— Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне что, мне не надо...» [Д30; т. 22: 112].

Эти образы простых людей, заключающие в себе все положительное, что писатель связывал с русской народностью и русской духовностью, неизменно ассоциировались у него с православной Москвой как «коренным России градом» (по выражению Ф. Глинки), Первопрестольной столицей, где в Успенском соборе Кремля короновали всех российских царей. В нем протоиреями служили двоюродный прапрапрадед и прапрадед писателя, протоиерей Иван Григорьев и протодьякон Петр Андреев, предки со стороны матери.

Несомненно особое отношение писателя к Москве православной и златоглавой:

«Каждый раз посещение Кремля и соборов Московских было для меня чем-то торжественным» [Д30; т. 21: 134].

Здесь хранились православные святыни — иконы Владимирской, Казанской, Смоленской, Донской и Иверской Божией Матери, которые помогали русским воинам во все смутные времена [Калуцков]. 22 августа 1826 г. (по старому стилю) в Белокаменной венчался на царство Николай I:

«Въ день въѣзда въ теченіи цѣлаго дня во всѣхъ церквахъ Москвы происходилъ звонъ»¹.

На коронации, по свидетельству современников, присутствовала практически вся Москва. Будущему писателю было тогда 5 лет, но, думается, в его памяти это событие оставило след, отразившись потом в строчках стихотворения «На коронацию и заключение мира», написанного в Семипалатинске весной 1856 г.:

«Идет наш царь принять корону...
Молитву чистую творя,
Взывают русских миллионы:
Благослови, Господь, царя!» [Д30; т. 2: 409].

По мнению Г. Б. Пономаревой, образ православной Москвы у Достоевского был обусловлен как ранними впечатлениями Достоевского от Успенского собора Московского Кремля, Троице-Сергиевой лавры, так и детскими

¹ Жмакинъ В. И. Коронація императора Николая I // Христіанское Чтеніе. 1904. № 8. С. 256.

литературными впечатлениями, прежде всего знакомством с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина ([Пономарева]; см. также: [Реснянский: 47]).

Хорошо зная русскую историю и роль Москвы в ней, Достоевский писал: эта «роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее царьградского двуглавого орла выше древнего герба России» [Д30; т. 23: 49]. В данном концептуальном высказывании значимы национальный и конфессиональный смыслы. Не случайно перифразой Москвы у писателя становится выражение «центр великоруса» [Д30; т. 23: 7]. В этом плане справедливым представляется суждение М. А. Мякинченко о том, что у Достоевского была «собственная уникальная точка зрения на Москву как древний центр России, центр единения русских, братьев-славян» [Мякинченко: 210].

Подчеркнем, что в иерархическом ряду знаковых атрибутов Москвы Первопрестольной «царьградский двуглавый орел» оказывается «выше древнего герба России»: «Россия наследовала двуглавого орла и *"всеславянскую православную идею"*» [Захаров: 47]. Тем самым в историософии Достоевского она стала выражением особой миссии России как последнего центра всего православного мира:

«Москва еще третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что "четвертого Рима не будет", а без Рима мир не обойдется» [Д30; т. 23: 7].

В последних выпусках «Дневника Писателя» (1880–1881) Достоевский еще раз подчеркивает объединяющее значение миссии России:

«...стать настоящим русским и будет именно значить <...> изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [Д30; т. 26: 148].

Москва как наследница православия в данном контексте не упоминается писателем прямо. В выпусках за 1876–1877 гг. представлен новый уровень осмысления концепта «Москва», который становится частью концепта «Россия».

С одной стороны, в обоих концептах явно выражена идея неразрывности и исторической преемственности в сохранении православной веры, исключаящей национальный и государственный эгоизм. С другой стороны, очевидно расширение взгляда на духовную объединяющую миссию России, что стало предельно актуальным в свете Восточного вопроса, который чрезвычайно волновал Достоевского, как видно из «Дневника Писателя» за 1876 и 1877 гг. Этому вопросу Достоевский последовательно посвятил несколько выпусков. По его мнению, «как предводительница православия, как покровительница и охранительница его» [Д30; т. 23: 49], Москва должна сыграть в решении Восточного вопроса ключевую роль.

Так, в выпуске за декабрь 1876 г. Достоевский приводит показательный аргумент:

«Московские старообрядцы снарядили и пожертвовали от себя целый (и превосходный) санитарный отряд и послали его в Сербию» [Д30; т. 24: 61].

Не единожды писатель повторяет:

«Эти добровольные жертвы и приношения народные для православных славян, эти жертвы старообрядцев, посылающих от обществ своих санитарные отряды <...> нет, это нечто уже обозначившееся и нельзя сказать чтоб пассивное, нечто, с чем нельзя не считаться» [Д30; т. 23: 69].

Неоднократно упоминается в «Дневнике Писателя» за 1876 г. деятельность Славянского комитета, размещавшегося в Москве и занимавшегося организацией помощи православным братьям-славянам в сербско-турецкой войне 1876–1877 гг. Участие в этой деятельности принимала и Покровская община милосердия в Москве, о чем Достоевский пишет уже в «Дневнике Писателя» за 1877 г.:

«Говорят, недавно в Москву привезли еще "партию деток", от трех до тринадцати лет, и которых приняла к себе Покровская община сестер милосердия» [Д30; т. 25: 38].

Для Достоевского это стало безусловным доказательством роли Москвы как хранительницы и защитницы православия в Восточной Европе. В «Дневнике Писателя» за 1877 г. он подчеркивает особую значимость миссии Москвы и России по защите православия в славянских государствах, находящихся под гнетом турок:

«Мы, Россия, действительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его» [Д30; т. 25: 74].

Писатель полагал, что основы этой миссии были заложены еще в Древней Руси. Подчеркивая историческую подоплеку стоящей перед Россией задачи, в апрельском выпуске 1877 г. он приводит отрывок из записок архидиакона Павла Алеппского, содержащих «мнение "тишайшего" царя о Восточном вопросе» [Д30; т. 25: 103]. Следующие слова из этого сочинения выделены Достоевским курсивом:

«...и порешил в своем уме, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их [греческих православных купцов]» [Д30; т. 25: 104].

Наряду с образом Москвы как православной столицы в «Дневнике Писателя» представлен образ криминальной Москвы, в которой есть своя бесовщина:

«Да у нас ли не найдется чертей! Гоголь пишет в Москву с того света утвердительно, что это черти» (1876) [Д30; т. 22: 32].

Эта аллюзия не выглядит случайностью. Когнитивный признак Москвы криминальной проявляется, например, в изображении одного «московского купчика», который, не заплатив денег за мать, упек ее в тюрьму, чтобы не остаться «без капиталу» (1876) [Д30; т. 22: 56].

Криминальный контекст «Дневника Писателя» был обусловлен пристальным вниманием и интересом Достоевского к судебным делам и преступным организациям в Москве. Это, например, «дело Струсберга» [Д30; т. 23: 159], в которое были вовлечены члены правления Московского коммерческого банка, обвиненные в колоссальных махинациях. Достоевский в этой связи писал о разрушительной для народной нравственности силе «золотого мешка» (1876) [Д30; т. 23: 159].

Не менее значимы в «Дневнике Писателя» упоминания о московских «аблакатах из-под Иверской»² и известной московской шайке фальшивомонетчиков — «червонных валетов»: «А сколько явится червонных валетов!» [Д30; т. 23: 135] (см. об этом: [Борисова, Шаулов, Юхнович]). В февральском выпуске «Дневника Писателя» за 1877 г. Достоевский-публицист так отреагировал на рассмотрение дела о «Клубе червонных валетов» Московским окружным судом:

«Что такое в Москве червонные валеты? Мне кажется, это всего лишь та часть той фракции русского дворянства, которая не вынесла крестьянской реформы» [Д30; т. 25: 46].

Данные эпизоды московской криминальной хроники, резко контрастирующие с рассуждениями Достоевского о роли Москвы как хранительницы православного духа, подтверждают бинарную структуру концепта, тем более что рассуждения о «лучших людях», служащих «золотому мешку», соседствуют в «Дневнике Писателя» с восторженным откликом о народном ополчении, в котором уже другие лучшие люди из народа отправились защищать братьев-славян, чтобы послужить «делу Божию» [Д30; т. 23: 161].

Говоря далее о Москве исторической, Достоевский вспоминает о «древнем Московском царстве». Это важное выражение, являясь периферийным элементом как концепта «Россия», так и концепта «Москва», расширяет их структуру (см. об этом: [Шурупова: 17]):

² Это простонародное выражение было связано с существовавшей в Москве у Иверской часовни нелегальной юридической конторой, в которой подрабатывали отлученные от дел за разные мошенничества «пасынки Фемиды».

«О, конечно, кто теперь из всех русских, и особенно когда всё прошло (потому что период этот и впрямь прошел), кто из всех даже русских будет спорить против дела Петрова, против прорубленного окошка, восставать на него и мечтать о древнем Московском царстве?» (1876) [Д30; т. 23: 40].

На наш взгляд, содержание этого элемента в структуре ключевых авторских концептов неоднозначно. В приведенном выше отрывке, с одной стороны, явно выражено критическое отношение к «древнему Московскому царству», главной ошибкой которого, по мысли Достоевского, стала его религиозная и национальная замкнутость:

«Мало того, в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русский ум и на русскую идею <...>. Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей *готовилась быть неправа*, — неправа перед человечеством, решив бездельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы» (1876) [Д30; т. 23: 46].

В этом критическом суждении Достоевского отразилась его историософская концепция, в которой все более значимой становилась идея всечеловеческого единства. Ее катализатором, по мысли писателя, должна стать Москва как центр православия. Подтверждение возможности выполнения этой миссии Достоевский находил как в истории, так и в современной ему русской жизни. Снова и снова обращаясь к Восточному вопросу, остро вставшему в контексте сербско-турецкой войны 1876–1877 гг., писатель полагал, что постановка этого вопроса не только определила русскую миссию, но и стала основой русской государственности:

«Родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства...» (1877) [Д30; т. 26: 30].

С другой же стороны, писатель подчеркивал, что «московское царство» составляли «наши святые митрополиты (стоятели за народ и строители земли русской), все благочестивые князья наши, все бояре и земские люди из тех, которые работали и служили России до пожертвования жизнью и имена которых благоговеино сохранила история» (1876) [Д30; т. 22: 104].

Представление Достоевского об исторической роли Москвы наиболее ярко выразилось в его Пушкинской речи, ставшей основой «Дневника Писателя» за 1880 г. В нем писатель сказал «свое слово» (письмо А. С. Суворину) [Д30; т. 30, кн. 1: 154] «в крайнем духе» своих убеждений:

«...не хочу смущаться и не боюсь, а своему делу послужить надо и буду говорить небаязненно» (письмо К. П. Победоносцеву) [Д30; т. 30, кн. 1: 156].

Достоевскому важно было выступить именно в Москве:

«...упрочение влияния моего не в одном Петербурге, а и в Москве, что много значит...» (письмо А. Г. Достоевской) [Д30; т. 30, кн. 1: 161].

В личной переписке он прямо назвал свою речь «московской» (письмо Е. А. Штакеншнейдер) [Д30; т. 30, кн. 1: 198].

Рассуждая о Москве как великорусском центре, Достоевский не мог игнорировать другой центр России — Петербург. Большинство современников и исследователей Достоевского до сих пор рассматривают эту «связку» как оппозицию, что, по нашему мнению, упрощает вывод писателя. Показательный прием — недавняя диссертация А. А. Юдахина, в которой этот взгляд выражен в прямолинейном утверждении контрверзы «Запад — Россия» в мировоззрении Достоевского [Юдахин: 16]. Более широкий спектр точек зрения на проблему соотношения Москвы и Петербурга представлен в современной антологии [Москва — Петербург], посвященной трехвековому полемическому диалогу обеих столиц: «...Москва и Петербург — это два полюса, под непрерывным действием которых вращается русская история. Один город есть дополнение другого, и необходимость их друг для друга всего очевиднее обнаруживается в минуты переломов, во времена общественных бедствий» [Мельгунов: 223–224].

Достоевский, как видно из его высказываний в «Дневнике Писателя», связывал с Москвой и Петербургом два периода русской истории: допетровский и «европейский», каждый из которых, по его мнению, был по-своему продуктивен и значим. Отсюда стремление Достоевского к определенному смягчению традиционной культурной оппозиции:

«Ведь уж чего бы кажется противоположнее, как Петербург с Москвой, если судить по теории, в принципе: Петербург-то и основался как бы в противоположность Москве и *всей ее идее*. А между тем эти *два центра* русской жизни, в сущности, ведь составили один центр, и это тотчас же, с самого даже начала, с самого даже преобразования, и нисколько не взирая на разделявшие их некоторые характеристики. Точь-в-точь то же, что зарождалось и развивалось в Петербурге, немедленно и *точь-в-точь так же самостоятельно* — зарождалось, укреплялось и развивалось в Москве, и *обратно*» (1876) [Д30; т. 23: 6–7].

Такой толерантный взгляд писателя обусловлен развитием в его мировоззрении идеи единения, не только в национальном, но и в общечеловеческом масштабе. Именно поэтому, характеризуя Восточный вопрос как «исконную идею Московского царства», писатель добавляет:

«...которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой» (1877) [Д30; т. 26: 30].

Однако здесь речь идет только о смягчении укрепившейся в русской картине мира антитезы Москвы и Петербурга, но не о полном отказе от нее. Отношение писателя к допетровскому, московскому, и петровскому, петербургскому, европейскому периодам российской истории оставалось неоднозначным.

Так, характеризуя в февральском выпуске «Дневника Писателя» за 1876 г. петровский «культурный период», Достоевский резюмирует, что он закончился тем, что народ и дворянская интеллигенция «повсеместно перестали понимать друг друга» [Д30; т. 22: 45], т. е. разъединились, а не объединились. Однако Достоевский не отрицает и того, что этот «культурный период» являл собой закономерный этап в развитии России, подчеркивая, что «с Петровской реформой явилось расширение взгляда беспрецедентное» [Д30; т. 23: 46], и выражая надежду на преодоление существующих противоречий: «...Петербург теперь больше чем когда-нибудь вместе с Москвой заодно» [Д30; т. 23: 7]. Возвращаясь в русло своей концепции, писатель продолжает говорить о способности русской души к примирению этих противоречий, которая проявляется «не только в этих двух городах, но <...> и во всей России вместе» [Д30; т. 23: 7].

Тем не менее в «Дневнике Писателя» за 1881 г. оппозиция «Москва — Петербург» снова резко проявилась, что было обусловлено реакцией современников на Пушкинскую речь. Подготовленная Достоевским «в крайнем духе» его почвеннических убеждений, она не могла не вызвать бурной полемики со стороны либерально-дворянской критики. Отвечая А. Д. Градовскому, а также И. С. Тургеневу и другим критикам западнической направленности в «Дневнике Писателя» за 1880 г., Достоевский, перечитав все написанное о «московской Речи в газетах» (письмо Е. А. Штакеншнейдер) [Д30; т. 30, кн. 1: 198], пунктирно обозначил темы будущего выпуска «Дневника Писателя» за 1881 г., в котором снова подчеркнул противостояние России Западу и Москвы Петербургу:

«Ибо что же Петербург, — он ведь дошел до того, что решительно считает себя всей Россией» [Д30; т. 27: 14].

Однако здесь значимо и то, что, даже критикуя «претензии» Петербурга на особую роль в истории России, писатель вновь пишет о будущем всечеловеческом братстве, начало которому положит Россия. Оно, по мнению Достоевского, станет «верным первым шагом» к «оздоровлению корней» [Д30; т. 27: 15], к единению не только с Москвой, но и со всей Россией:

«Проникновения бы капельку больше, понимания, смирения перед великой землей Русской, перед морем-океаном, — вот бы чего надо» [Д30; т. 27: 15].

Таким образом, намеренно подчеркивая оппозицию «Москва — Петербург», Достоевский сам же утверждает необходимость ее снятия.

В целом особенности концепта «Москва» в традиционном и авторском выражениях в «Дневнике Писателя» за 1876–1881 гг. обусловлены его функционированием в нескольких контекстах, в аксиологическом плане неоднозначных. Он содержит когнитивные признаки и бинарные оппозиции, являющиеся традиционными для русского сознания и определяющие амбивалентность образа Москвы в представлении Достоевского.

Это, с одной стороны, Москва православная, с другой — криминальная, а также Москва в ее неоднозначной соотнесенности с Петербургом в силу того, что в публицистическом дискурсе Достоевского очевиден его отход от устоявшегося противопоставления двух «столиц», с которыми, думается, в равной степени были связаны его жизнь и творчество.

Структура концепта «Москва» в значительной степени характеризуется признаками, позволяющими рассматривать его как авторский, что прежде всего обусловлено его связью с биографическим контекстом жизни и творчества Достоевского. В этом плане особенно значимо то, что он родился в Москве, провел в ней детские и отроческие годы, в Москве формировался и укреплялся его христианский взгляд на мир и человека благодаря влиянию семьи, родственного окружения, посещению московских церквей и т. п.

И, наконец, в творчестве Достоевского роль Москвы обусловлена ее особым значением для писателя: на протяжении всей жизни она определяла его философские, религиозные, исторические взгляды, став ведущей в историософской концепции: «Я люблю роль Москвы в русской истории и говорю об этом прямо» [Д30; т. 20: 178] (см. об этом: [Волгин: 968]). Фактором развития этой идеи в представлении Достоевского стала вера в роль России и Москвы в процессе единения человечества.

Очевидно, что на всем протяжении «Дневника Писателя» динамика трансформации концепта «Москва» характеризуется постепенным расширением образа Москвы. Связанные с ней первоначальные важнейшие детские воспоминания и самые сильные впечатления, «пережитые сердцем», дополнились историософскими суждениями о миссии Москвы, на что указывал и сам Достоевский: «Да, признаюсь, я и под Москвой-то подразумеваю, говоря теперь, не столько город, сколько некую аллегория» [Д30; т. 23: 7], имея в виду предельную степень обобщения и расширения образа Москвы.

В последнем выпуске «Дневника Писателя» Достоевский, говоря о миссии России как об «общечеловеческом назначении», «общеслужении человечеству» [Д30; т. 23: 30–31], вновь подчеркивает значение Москвы в этом плане (по сути, отождествляя оба концепта «Россия» и «Москва» в их аксиологической сущности). В ходе полемики с европоцентристским взглядом на Россию и Москву (которая в этой символической паре приобретает значение номинативной синекдохи, закреплённой традицией словоупотребления) писатель пришел к более широкому представлению, включив в контекст своих рассуждений Азию: «...в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть,

Азия-то и есть наш главный исход!» [Д30; т. 27: 33] (см. об этом: [Борисова, 2022]). Результатом стала новая формула определения роли России/Москвы в мировой истории, в которой важной для Достоевского была обращенность не только к Европе, но и к Азии.

Список литературы

1. Борисова В. В. Об одном фольклорном источнике в романах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 65–73 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_13/06_%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0_65.pdf (10.07.2026). EDN: XVBQDJ
2. Борисова В. В. Grattez le russe, et vous verrez le tartar: перверсия французской поговорки в творчестве Ф. М. Достоевского // Соловьевские исследования. 2022. Вып. 4 (76). С. 92–102 [Электронный ресурс]. URL: http://solovyov-studies.ispu.ru/files/published/str.92-102_si_476.pdf (10.07.2026). DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.092-102. EDN: SWXYGR
3. Борисова В. В., Шаулов С. С., Юхнович Ю. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. Уфа: Печатник, 2021. 268 с. EDN: YDZXFG
4. Волгин И. Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина (руков. проекта). М.: Фонд Достоевского, 2012 (на тит. л. 2013). С. 961–1167.
5. Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. 288 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46658141_88604104.pdf (10.07.2026). EDN: AQDPNI
6. Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 383 с. (Сер.: Dostoevsky Monographs; вып. 4.)
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
8. Захаров В. Н. Концепт «Россия» в письмах Достоевского из-за границы 1867–1871 гг. // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 1. С. 35–52 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1782288509.pdf (10.07.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2026.8501. EDN: CJINWW
9. Калущков В. Н. О центрированности русского культурного пространства // Из истории русской фольклористики / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. СПб.: Свое издательство, 2018. Вып. 10: Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: к юбилею Юрия Александровича Новикова. С. 212–225.
10. Мельгунов Н. А. Несколько слов о Москве и Петербурге // Москва — Петербург: pro et contra: диалог культур в истории национального самосознания: антология / сост. К. Г. Исупов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 220–231. (Сер.: Русский путь.)
11. Москва — Петербург: pro et contra: диалог культур в истории национального самосознания: антология / сост. К. Г. Исупов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 711 с. (Сер.: Русский путь.)
12. Мякинченко М. А. Москва в литературной памяти Ф. М. Достоевского: генезис, место и роль в художественной системе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 234 с. EDN: VVBBGX
13. Пономарева Г. Б. Достоевский: Я занимаюсь этой тайной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский миръ, 2018. 447 с. (Сер.: Большая московская библиотека.)

14. Реснянский С. И. «Москва — Третий Рим» как архетип русского православного самосознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 41–49 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38469670_38035409.pdf (10.07.2026). DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-41-49. EDN: BTLATK
15. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2012. 855 с.
16. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995. 621 с. EDN: VKXBQN
17. Шурупова О. С. Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы (сопоставительный анализ): дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2011. 319 с. EDN: QFHIBR
18. Юдахин А. А. Антикатолическая проблематика в творчестве Ф. М. Достоевского: геополитическое, историософское и христологическое измерения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 337 с.

References

1. Borisova V. V. About a Folklore Source in Dostoevsky's Novels. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 65–73. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_13/06_%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0_65.pdf (accessed on July 10, 2026). EDN: XVBQDJ (In Russ.)
2. Borisova V. V. Grattez le russe, et vous verrez le tartare: Perversion of French Saying in Oeuvre of F. M. Dostoevsky. In: *Solov'yovskie issledovaniya* [Solovyov Studies], 2022, issue 4 (76), pp. 92–102. Available at: http://solovyov-studies.ispu.ru/files/published/str.92-102_si_476.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.092-102. EDN: SWXYGR (In Russ.)
3. Borisova V. V., Shaulov S. S., Yukhnovich Yu. V. “Delo o kumaninskom nasledstve” v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo [“The Kumanin Heritage Case” in F. M. Dostoevsky's Life and Works]. Ufa, Pechatnik Publ., 2021. 268 p. EDN: YDZXFG (In Russ.)
4. Volgin I. L. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays. In: *Khronika roda Dostoevskikh* [The Chronicle of the Generations of Dostoevskys]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012 (on the Title Page 2013), pp. 961–1167. (In Russ.)
5. Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo [Geopolitical Map and Worldview of F. M. Dostoevsky]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021. 288 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46658141_88604104.pdf (accessed on July 10, 2026). EDN: AQDPNI (In Russ.)
6. *Dostoevskiy i zhurnalizm* [Dostoevsky and Journalism]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013. 383 p. (Ser.: Dostoevsky Monographs; issue 4.) (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. The Concept of “Russia” in Dostoevsky's Letters from Abroad in 1867–1871. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2026, vol. 13, no. 1, pp. 35–52. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1782288509.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2026.8501. EDN: CJINWW (In Russ.)
9. Kalutskov V. N. About the Centering of Russian Cultural Space. In: *Iz istorii russkoy fol'kloristiki* [From the History of Russian Folklore Studies]. St. Petersburg, Svoyo izdatel'stvo Publ., 2018, issue 10: Modern Methods and Approaches in the Study of Traditional Folk Culture: on the Jubilee of Yuri Alexandrovich Novikov, pp. 212–225. (In Russ.)

10. Mel'gunov N. A. A Few Words About Moscow and St. Petersburg. In: *Moskva — Peterburg: pro et contra: dialog kul'tur v istorii natsional'nogo samosoznaniya: antologiya* [Moscow — Petersburg: Pro et Contra: Dialogue of Cultures in the History of National Identity: An Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., pp. 220–231. (Ser.: The Russian Path.) (In Russ.)
11. *Moskva — Peterburg: pro et contra: dialog kul'tur v istorii natsional'nogo samosoznaniya: antologiya* [Moscow — Petersburg: Pro et Contra: Dialogue of Cultures in the History of National Identity: An Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 711 p. (Ser.: The Russian Path.) (In Russ.)
12. Myakinchenko M. A. *Moskva v literaturnoy pamyati F. M. Dostoevskogo: genesis, mesto i rol' v khudozhestvennoy sisteme: dis. ... kand. filol. nauk* [Moscow in the Literary Memory of F. M. Dostoevsky: Genesis, Place and Role in the Artistic System. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2021. 234 p. EDN: VVBGGX (In Russ.)
13. Ponomareva G. B. *Dostoevskiy: ya zanimayus' etoy taynoy* [Dostoevsky: I Am Working on This Mystery]. 2nd ed., reworked and supplemented. Moscow, Russkiy mir Publ., 2018. 447 p. (Ser.: Large Moscow Library.) (In Russ.)
14. Resnyanskiy S. I. “Moscow Is the Third Rome” as an Archetype of Russian Orthodox Identity. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 3, pp. 41–49. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38469670_38035409.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-41-49. EDN: BTLATK (In Russ.)
15. *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossariy* [Dictionary of Dostoevsky's Language. Idioglossary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2012. 855 p. (In Russ.)
16. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Researches in the Field of Mythopoeitics: Selected Works]. Moscow, Progress — Kul'tura Publ., 1995. 621 p. EDN: VKXBQN (In Russ.)
17. Shurupova O. S. *Kontseptosfera peterburgskogo i moskovskogo tekstov russkoy literatury (sopostavitel'nyy analiz): dis. ... kand. filol. nauk* [The Conceptual Sphere of the St. Petersburg and Moscow Texts of Russian Literature (Comparative Analysis). PhD. philol. sci. diss.]. Lipetsk, 2011. 319 p. EDN: QFHIBR (In Russ.)
18. Yudakhin A. A. *Antikatolicheskaya problematika v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: geopoliticheskoe, istoriosofskoe i khristologicheskoe izmereniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Anti-Catholic Issues in the Works of F. M. Dostoevsky: Geopolitical, Historiosophical, and Christological Dimensions. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2024. 337 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030); профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”) (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Department of Russian Literature, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr'skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Котовская Дарья Олеговна, лаборант-исследователь лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1935-5577>; e-mail: prince.amelian@gmail.com.

Darya O. Kotovskaya, Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Comparative Literature and Cultural Diplomacy at the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Postgraduate Student, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr'skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1935-5577>; e-mail: prince.amelian@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 18.07.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.09.2026

Принята к публикации / Accepted 20.09.2026

Дата публикации / Date of publication 16.10.2026